

Успенский Ф. Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 160 с.

Глубинные «тектонические» процессы, протекавшие на протяжении минувшего столетия в недрах гуманитарных знаний о прошлом, привели к обособлению исторических и филологических дисциплин, теперь отделенных друг от друга, подобно континентам, морями и океанами. Проникновение на «чужую» территорию рассматривается порой как покушение на суверенитет той или иной науки. При этом работам филологов все больше недостает историзма, а историки склонны недооценивать роль слова, «словесного пространства» в развитии общества.

Книга Федора Борисовича Успенского представляет собой редкое в наши дни исключение из этого печального правила. Она написана в лучших традициях отечественной историографии. Автор не пытается поскорее разъять предмет исследования на удобные для дальнейшего оперирования части, распределить добытое по колбочкам и коробочкам, наклеить ярлыки, разложить все по полкам и затем уже выстраивать стройную картину реконструируемого таким образом прошлого, – напротив, подобно искусному врачу, он терпеливо исследует своего «пациента», чутко прислушиваясь к слабым тонам его дыхания, дабы по едва уловимым симптомам поставить единственно правильный, научно выверенный «исторический диагноз».

Проблема «имя и власть» рассматривается автором на историческом материале Скандинавии XI–XIII вв. – эпохи, когда закладывались основы национальных культур. Это было время активного вхождения христианских ценностей в систему понятий, культуру и быт северных народов. Принятие христианства не означало полного и одновременного отказа от традиционных, языческих по сути, представлений, обычаев, обрядов – всего того, что составляло внутренний мир человека и его бытие. На протяжении многих веков старое уживалось с новым, происходило взаимное притирание, более или менее плодотворное функционирование «старого» в новых условиях. Это распространялось на все сферы жизни общества и государства, в том числе и на такое специфическое явление, как имянаречение.

Внимание автора сосредоточено на практике выбора имени в самых верхах средневекового скандинавского общества – в семьях членов королевского рода. «Целесообразнее изучать не историю имени, а историю выбора имен...» – так в переводе с немецкого звучит эпиграф к книге. Автор подносит к глазам читателя своеобразный «магический кристалл», позволяющий разглядеть, как в этом выборе «отразилась едва ли не вся история полуострова XI–XIII вв.». При таком подходе личное имя становится действенным фактором политической жизни страны.

Чем же определялся выбор имени будущего конунга?

В ситуации, когда правильный выбор имени рассматривался как возможность повлиять на судьбу его носителя, дать ему дополнительные преимущества перед конкурентами в борьбе за власть, большое значение имело установление связи с родом через имя, что предполагало следование традициям. С другой стороны, ситуация «двоеверия» (оставим в стороне правомерность самого термина и корректность применения его к условиям Скандинавии XI–XIII вв.) расширяла сферу поисков «правильного» имени, чем особенно успешно пользовались конунги для своих незаконнорожденных сыновей (бастардов) – предполагаемых будущих носителей власти. Выбор «правильного» имени как действенный механизм достижения власти, таким образом, видится чем-то вроде средневековой политтехнологии, попытки властителей говорить с народом, по определению автора, на «языке имен».

Хорошей книге всегда присуще одно важное качество: отвечая на одни вопросы, она ставит другие, может быть, еще более важные, территориально и хронологически выходящие порой за рамки данного исследования, требующие осмысления на новом материале. В частности, книга Ф. Б. Успенского вплотную подводит к постановке проблемы «имя как исторический источник». Личное имя в данном случае выступает не только как факт языка, но и как определенный социокультурный знак, исторически обусловленный и подлежащий исследованию наряду с другими источниками. Семь тысяч имен в исландских сагах, о которых автор упоминает в послесловии к книге, составляют колоссальный по своим информационным возможностям источник будущих исследований истории и культуры Скандинавских стран.

Пожалуй, нет смысла пересказывать содержание этой умной, прекрасным языком написанной книги – просто хочется от всей души порекомендовать ее всем, кому интересны проблемы формирования

национальных культур и роль языка, вербальных символов и заключенных в них понятий в историко-культурных процессах.

Остается лишь пожалеть о том, что до сих пор подобное исследование не проведено в должном объеме на материалах Древней Руси (по крайней мере, пока историки не располагают сведениями о них). Процессы христианизации шли на русских и скандинавских землях параллельно, становление древнерусской государственности происходило в условиях более или менее сильного варяжского влияния (единого мнения по этому вопросу в отечественной историографии нет до сих пор, но отрицать сам факт такого влияния не может никто). А как это отразилось на системе древнерусских имен в целом и на выборе имен будущих князей в частности?

Хорошо известно, что в Древней Руси вплоть до конца XVII в. наряду с наречением новорожденного христианским именем широко практиковалось использование неканонических, по сути своей – языческих, имен (наиболее полный их свод можно найти в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, впервые изданном в 1903 г.). Чем руководствовались родители, давая сыновьям имена по порядку их рождения в семье (*Первой, Дружина, Третьяк* и т. д.), имена благопожелательные (*Бажен, Ждан, Любим*) или охранительные (*Некрас, Нечай, Неклюд*)? Почему в одной семье желанного ребенка называли *Жданом*, а в другой – *Нежданом*? Думается, давая ответы на эти и многие другие вопросы, мы существенно продвинемся на пути к более адекватным представлениям как о социально-психологическом состоянии общества допетровской Руси, так и к пониманию нужд и чаяний отдельных его индивидуумов.

Что касается проблемы выбора «правильного» имени будущего князя в условиях Киевской Руси, то, обратившись к текстам древнерусских летописей, нетрудно убедиться, что одни князья выступают на их страницах под традиционными христианскими именами (*Константин, Роман, Давыд*), другие носят имена первых русских святых (*Борис, Глеб*), третьи известны под славянскими или скандинавскими языческими именами (*Ярослав, Святополк, Рюрик, Игорь*). Каковы были мотивы выбора того или иного имени в каждом конкретном случае, какую роль этот выбор сыграл в судьбе самого носителя имени, в его борьбе за власть?

Отмеченное автором потенциально возможное использование «успешного» («правильного», «истинного») имени властителя самозванцами нашло наиболее яркое и последовательное применение опять же в России. Загадочная смерть царевича Дмитрия в Угличе в 1591 г. не имела серьезных политических последствий, пока был жив его старший брат, царь Федор Иоаннович. Но со смертью последнего «природного» государя, не имевшего потомства, имя царевича Дмитрия вошло в политический расклад как один из важнейших козырей для партий и группировок, желавших принять участие в борьбе за власть. Смутное время положило начало растянувшемуся более чем на два с половиной века периоду самозванчества как ярчайшего феномена общественной и политической жизни России Нового времени: с той поры лже-Дмитрии, лже-Петры, лже-Константины появлялись там и тогда, где и когда возникала питательная среда для использования имени законного государя или претендента на престол (последние лже-Константины объявились после смерти великого князя Константина Николаевича во второй половине XIX в.), причем это не столько было связано с реальными надеждами на занятие престола, сколько отражало определенные социальные потребности значительной части населения страны, служило воплощением ходивших в народе утопических легенд.

Исследованный Ф. Б. Успенским феномен «языка имен» удивительным образом оказывается актуальным для практики имянаречения в императорской семье России на протяжении XVIII – начала XX в. Выбранные Екатериной II для своих внуков имена *Александр* и *Константин* как принадлежавшие двум «успешным» императорам античной эпохи, Александру Македонскому и Константину Великому, прочно вошли в круг наиболее предпочтительных имен правящей династии для старших и вторых сыновей. Имена *Михаил* и *Алексей*, освященные традицией романовского рода (их носили первый и второй представители династии), также весьма употребительны, хотя чаще выступают не на первых ролях. Напротив, имена *Петр* и *Павел* в XIX в. практически вышли из употребления, поскольку напоминали о насильственной смерти своих носителей.

И еще один аспект проблемы «имя и власть» актуален во все времена и у всех народов: восприятие имени властителя в народной психологии, открывающее власти широкие возможности для манипулирования общественным сознанием. Конечно же, никто не выбирал с далеко идущими намерениями имена для первого и второго президентов России (хотя, заметим в скобках, у первого, по имени *Борис*,

не имевшего сыновей, внук получил имя *Глеб*, сохраняя при этом фамилию деда...), но это не мешает власти использовать «странные сближения», говоря с народом на «языке имен». Интересно, учитывают ли это современные политтехнологи, читают ли они книги, подобные той, которую я с особым удовольствием держу в руках?

А. Г. Мосин, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2002. – 254 с.

Рецензируемая работа посвящена исследованию системного начала в русском топонимиконе Алтая. Автор книги отмечает, что анализ топонимической системы в прошлом опирался исключительно на структурный принцип, но в настоящее время его объяснительные возможности в общем исчерпаны, поэтому необходима разработка и обоснование нового подхода (с. 6), предполагающего изучение топосистем во взаимосвязи двух модусов ее существования – онтологического и ментального (с. 9). Вот как их характеризует автор: «Онтологическое бытие системы рассматривается через призму ее возникновения, сущностных собственно языковых характеристик. Система в ее ментальном бытии расценивается как не тождественная объективной реальности некая ее часть, выступающая компонентом конкретно-исторического субъективного опыта, и предполагает обращение к языковому сознанию носителя языка и топонимической системы, его интенциональным и когнитивным структурам, влияющим на топосистему и отражающимся в ней» (с. 9–10).

Первая глава (а всего их четыре) названа «Онтологическое бытие топонимической системы». Автор достаточно подробно характеризует взгляды различных исследователей на онтологию топонимической системы. Можно присоединиться к большинству оценок, которые даны в ходе обзора, настаивая, пожалуй, только сочувственное отношение к понятию «топонимической схемы», введенному А. В. Суперанской (с. 16–17) и требующему, по нашему мнению, более критического подхода.

Рассматривая «онтологические» параметры топонимической системы, Л. М. Дмитриева обращается к анализу парадигматических и синтагматических отношений. При этом по отношению к парадигматике автор занимает вполне определенную позицию исследователя-лингвиста, что же касается синтагматики, то ему не удалось преодолеть «географический» подход к топонимии. Некогда высказанное мнение о том, что идеальным контекстом для топонимов является географическая карта, было подхвачено многими исследователями, однако, если принять эту точку зрения, придется говорить об отношениях топографических, а не топонимических. Топоним – это факт языка, поэтому трудно согласиться с автором рецензируемой книги, утверждающим, что топонимическим контекстом следует считать территорию (с. 30). Правда, далее отмечается, что синтагматические отношения существуют также в списках топонимов и в качестве примера приводится список ойконимов Белоярской волости (с. 30), однако содержание синтагматических связей при этом не разъясняется, да и само их наличие требует дополнительной аргументации.

Вторая глава книги – «Ментальное бытие топонимической системы». В первом параграфе излагается навеянная современным антропоцентризмом авторская концепция, согласно которой топонимическая система представлена в сознании носителей языка, и задача исследователя – описание основных характеристик этого ментального образования. Трудно не согласиться с автором в том, что необходимо опираться на идеи, высказанные современными исследователями, однако изложено это весьма своеобразно: «Если в начале 60-х гг. можно было сказать о системности, что она “постепенно вытесняет старый атомизм”, то антропоцентрический подход предполагает свою логику в последовательности рассмотрения типов высказываний (? – Г. Г.), и сейчас, поскольку в центре лингвистики человек